

ХОЖДЕНИЕ «ОПТИМИСТОВ» ПО МУКАМ

Памяти А.С.Трошина

Неустанным трудам А.С.Трошина мы обязаны тем, что лучшие достижения венгерской кинематографии стали частью нашей культуры. Его многочисленные научные работы, статьи, монографии, доклады, выступления на долгие годы вперед дают возможность будущим исследователям венгерского киноискусства расширить круг дальнейших творческих поисков, а его беззаветное, буквально до последнего вдоха, служение делу венгерской культуры вызывает чувство глубокого преклонения перед его светлой памятью.

Среди замыслов А.Трошина, к сожалению, им не завершенных, осталась работа над интереснейшим и в некоторых отношениях уникальным литературным источником: творчеством венгерского писателя Эрвина Шинко (1898–1967), русскому читателю доселе не известным. Жизнь этого человека, сына бурного XX столетия, была насыщена крутыми поворотами и судьбоносными событиями. Юный поэт авангардистского толка Э.Шинко принимает участие в Первой мировой войне. Весть о крушении царской России и революции застает его в буковинских окопах. В 1919 году, в революционном Будапеште, он переживает победу и поражение пролетарской диктатуры, а после падения Венгерской Советской республики его ждет участь политического эмигранта, долгие годы скитаний, надежд и разочарований, упорных попыток самому плести нити своей судьбы...

Двенадцать лет спустя, когда 133 дня Советской республики Венгрии постепенно становятся страницами истории, Эрвин Шинко в Югославии, в швабском селе Пригревица Свети Иван приступает к созданию широкого эпического полотна, посвященного революционным событиям. Работа над романом занимает у него более трех лет, автор дает своему детищу красноречивое название: «Оптимисты». Положение самого писателя при этом отнюдь не внушает оптимизма. По национальной и языковой самоидентификации он—венгр, происхожде-

ния—еврейского, гражданства—югославского, по убеждениям—левый. С таким пышным «букетом», как скажет впоследствии один из его московских приятелей, И. Бабель, найти себе место под солнцем почти безнадежное дело. Ясно, что в начале 30-х годов, в королевской Югославии, в швабском селе венгерскому интеллигенту с четко выраженными устремлениями к писательству на хлеб насущный не заработать. И Шинко вместе со своей верной соратницей до последних дней, женой Ирмой принимает решение попытаться счастья в других краях. Вена, Цюрих, Париж... В Париже оседают эмигранты всех стран, всех «волн»—так уж повелось. Именно здесь в 1934 году Э. Шинко завершает свой роман, который получился весьма объемным—более 1200 машинописных страниц. Ищет издателя и, разумеется, не находит. Кого в тот исторический момент, ознаменованный приходом Гитлера к власти, усилением позиций мирового фашизма и началом кризиса французской демократии, могли заинтересовать события революции в малой европейской стране, к тому же революции, не увенчавшейся успехом? Помимо всего, роман непомерно длинен, перегружен излишними деталями, изобилует персонажами. Таково было единодушное мнение французских издателей, придерживающихся левых взглядов и даже лично расположенных к автору.

Следует сказать, что на долгом, мучительно трудном пути Эрвина Шинко иногда и поджидала удача. Так в Париже судьба свела его с графом Михаем Каррой, лидером буржуазной революции 1918 года и первым президентом Венгерской республики (ему и его жене посвящен фильм Андраша Ковача «Красная графиня»). По горячей рекомендации графа никому не известно—вот уж поистине без роду без племени—писателя берет под свою опеку не кто-нибудь, а Ромен Роллан. Это имя, окруженное уважением и авторитетом, дает Эрвину Шинко шанс на удачу. Однако все попытки издать роман целиком или частями, на французском или немецком языках оказываются тщетными, пока наконец Марии Павловне, супруге Роллана и русской по происхождению не приходит в голову блестящая идея: единственное место на всем земном шаре, где роман о революции, о пролетарской диктатуре, о верности коммунистическим идеалам должен быть принят с распростертыми объятиями,—конечно же страна победившего социализма. Дальнейшие события развиваются как по мановению волшебной палочки. В советском посольстве Шинко знакомят с председателем ВОКСа А. Аросевым, прибывшим в Париж в командировку, тот—по возвращении в Москву—докладывает в «верхах» о просьбе Р. Роллана, и вскоре Э. Шинко с женой официально приглашены в СССР. На календаре—лето 1935 года.

Прием подопечным Р. Роллана действительно был оказан хороший, что на несколько месяцев обеспечило гостям безбедное существование. Затем, с помощью Горького, удалось продлить срок пребывания, что вызывалось необходимостью. Писатель и его жена прибыли в Советскую Россию не в качестве туристов, а с определенной, вполне конкретной целью—добиться публикации «Оптимистов». И тут, неожиданно для автора, ему пришлось столкнуться с непреодолимыми трудностями. Препятствия, возникшие у него на пути, были неясными, расплывчатыми, неуловимыми, прямого отказа Шинко нигде не встречал, но воз не двигался с места. А ведь какие поначалу открывались перспективы! Публикация романа—или его частей—на немецком и русском языках, в различных изданиях, в журналах и газетах отдельными главами, написание киносценариев... Правда, печатание все откладывалось, сроки без конца переносились, из-

датели осторожничают, оглядываясь друг на друга в поисках «прецедента», заказывали все новые и новые отзывы и рецензии, требовали самоличных решений и рекомендательных писем от Белы Куна, возглавлявшего венгерское ядро Коминтерна. И никакие благожелательные отзывы и письма почему-то не помогали. «Позвоните завтра», «Товарищ директор вышел», «Он еще не вернулся, позвоните позже», «Редактор в отпуске, когда вернется—не известно», и т.д., и т.п. Привычная бюрократическая схема, увы, знакомая каждому из нас и помноженная на усиление «революционной бдительности». Но откуда было об этом знать наивному идеалисту Шинко, привыкшему мыслить четко и логично и рассчитывавшему на взаимодоверие! Тем временем срок пребывания супругов в Советской России иссякает, средств к существованию—никаких, радужные надежды тускнеют и гаснут. Материальные удары самоотверженно отбивает верная помощница писателя, его жена: врач по профессии, она устраивается на работу в два места, занимается бытом, переводит на немецкий труды мужа и собственноручно перепечатывает их на машинке. Словом, из гостей они превращаются во временных жителей (надеясь впоследствии обосноваться в Москве насовсем), а об их жизни в течение двух московских лет остается ценнейшее документально-художественное свидетельство: Эрвин Шинко, по давно укоренившейся привычке, постоянно ведет дневник—подробный, откровенный, безо всякой оглядки. Поразительно однако, ему и в голову не приходит «оглядываться» на—мягко говоря—неблагоприятные обстоятельства 1936–1937 годов, когда подобные откровения могли стоить человеку жизни. В своем блаженном неведении Шинко поверяет бумаге и все наболевшее в душе, и все впечатления об увиденном-услышанном. Ум у этого человека, склонного к философствованиям, острый, глаз—цепкий, наблюдательный, сердце—открытое и доброе, а перо—умелое, и в результате двухлетних напрасных хождений «Оптимистов» по мукам (парадокс судьбы: Эрвин Шинко ушел из жизни, так и не дождавшись появления на родном венгерском ни «Оптимистов», ни своих дневниковых записей) рождается новая книга, которой автор дал название «Роман вокруг романа». И в самом деле, вокруг неприкаемых, незадачливых «Оптимистов» нагромождаются, растут как снежный ком другие сюжеты: политические события мира и советской действительности, отдельные человеческие судьбы, художественные и эмоциональные впечатления, истории анекдотические, но чаще трагические, личные знакомства, дружеские связи, привязанности, разочарования, потрясения,—словом, все, что заполняет повседневную человеческую жизнь, фиксируемую с документальной, хронологической точностью. По жанру книга получилась смешанная: дневниковые записи, воспоминания и документы. Десятилетия спустя, при подготовке дневников к печати, Э.Шинко, желая сохранить первоначальные записи в нетронутом виде, вынужден был снабдить свои тогдашние наблюдения сносками, дополнениями, необходимыми комментариями, дабы у читателя не создалось предубеждения по поводу фактов, событий, описанных автором в 1935–1936 годах и впоследствии представших в новом освещении. Следует лишь добавить, что заметки публицистического характера выполнены пером несомненного художника слова, и это обстоятельство позволяет книге Э.Шинко занять достойное место в ряду произведений подобного рода. Ведь в 30-е годы увидело свет немало книг о Советской России, авторы которых, собственно, и приезжали в Москву за сбором фактов и впечатлений. Среди тех, кто в то вре-

мя посетил Россию и написал о своих впечатлениях, были такие видные деятели европейской культуры, как Анри Барбюс, Луи Арагон, Артур Кёстлер, Андрэ Жид, Панаит Истрати. Были у Шинко и предшественники из числа венгров: уже упомянутый Михай Каройи, писатели Дюла Ййеш и Лайош Надь, приглашенные на Первый съезд советских писателей. Оценка написанных ими книг и сравнение их с «Романом вокруг романа»—это обширная тема самостоятельных исследований. Здесь же отметим лишь одно существенное обстоятельство: Эрвин Шинко не был «заезжим», краткосрочным визитером, он прожил в Москве два года, когда обстановка в стране стремительно менялась, он многое увидел и прочувствовал изнутри, а не как сторонний наблюдатель. И материал собрал огромный: «Московские дневниковые заметки. 1935–1937», как значится в подзаголовке книги, составляют более 600 книжных страниц. Для журнальной публикации из этой глыбы отобраны некоторые «кирпичики», содержащие интересные, на наш взгляд, высказывания автора о советской культурной жизни той поры. Примечательны не только строгий вкус и взыскательность Э.Шинко, но и его интуиция, позволившая ему верно подметить не только слабые стороны художественного развития литературы, музыки, кино и изобразительного искусства, но и уловить основную тенденцию, диктуемую требованиями внутренней политики.

Татьяна ВОРОНКИНА